

История России СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Л.А. Боева

Ликвидация партий социалистов органами ГПУ–ОГПУ в годы нэпа

После окончания гражданской войны с врагами советской власти по-прежнему оставались оппозиционные партии социалистов. Верхушка РКП (б) упорно считала эти партии, безусловно, контрреволюционными. А ведь когда-то большевики и меньшевики были единой марксистской партией, и те, и другие считали себя выразителями интересов рабочих. Но теперь руководители партии большевиков весьма неоднозначно высказывались о партиях социалистов. Так, например, в марте 1922 г. В.И. Ленин предлагал: «За публичное доказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды». Он требовал усиления «и надзора, и репрессий» против меньшевиков, «самой беспощадной борьбы с ними и самого максимального недоверия к ним (как к опаснейшим фактическим пособникам белогвардейщины)» [1: с. 242]. Такая установка отличалась неоправданной прямолинейностью, не учитывала важных изменений, происходивших после окончания гражданской войны в политике и тактике этих партий. На самом деле, как мы полагаем, у большевиков уже не было ни одного действительно серьезного политического противника, способного плодотворно работать в условиях постоянного экономического кризиса и общей малограмотности населения. Программы всех нелегальных партий требовали определенного образовательного уровня населения не только для своего осуществления, но даже для их понимания. Планы преобразования советской системы, предлагаемые оппозиционными партиями, были во многом абстрактными и, в первую очередь, не учитывали особенностей развития страны. Ориентировались планы, прежде всего, на интеллигенцию. Но поддерживающих оппозицию интеллигентов было недостаточно даже для захвата власти. В последнем меньшевики отдавали себе отчет и предполагали осуществить смену власти мирным путем — от «республики Советов к демократической республике», используя существовавшую политическую

систему. Кроме того, эти партии объявили себя лояльными советской власти, отказались от вооруженной борьбы против нее.

Однако отдельные лидеры меньшевиков и эсеров в условиях нэпа резко критиковали непоследовательность властей в проведении экономической политики, требовали отказа от большевистской диктатуры, расширения демократии, что воспринималось как угроза советской власти. Одновременно наметилась неустойчивая тенденция к усилению их влияния среди рабочих и крестьян в годы нэпа. В связи с этим на оппозиционные партии возлагалась основная вина за происходившие волнения и восстания трудящихся. Реакция на это последовала очень быстро. Ответом стало усиление репрессий.

Была выработана широкая программа практической деятельности партийных органов и ВЧК–ОГПУ по борьбе с противниками советской власти. Поэтому последовавшие события — судебный процесс над деятелями партии эсеров и разгром оппозиционных партий; депортация из страны и ссылка в отдаленные районы страны нелояльных лиц — с нашей точки зрения, можно рассматривать как результат этой программы, принятой руководством РКП (б) и реализованной ГПУ–ОГПУ.

Для успешного выполнения данной программы органы ГПУ–ОГПУ имели в своем распоряжении довольно большой набор «гласных и негласных» карательных средств и методов. Так, спецслужба в этом направлении могла осуществлять оперативно-организаторскую деятельность, вести оперативную работу в отношении антисоветских групп и организаций на территории РСФСР и за кордоном; производить дознание и предварительное следствие, обыски и аресты; подавлять при помощи специальных войск вооруженные контрреволюционные выступления; создавать специальные места заключения для «классово-чуждых» элементов; высылать за пределы РСФСР и ссылать в отдаленные районы страны неблагонадежных лиц.

Был разработан комплекс мер, практиковавшихся ГПУ–ОГПУ против социалистов. Он составлял взятие на учет всех членов оппозиционных партий, включая и заявивших о выходе из них, и «сочувствующих», и установление за ними «самого тщательного наблюдения» с прицелом на последующий арест и осуждение. В случае малейшего подозрения социалиста (даже бывшего или занимающего ответственный государственный пост) в антибольшевистской деятельности следовал немедленный арест и тюремное заключение [3].

Справедливости ради нужно отметить, что были случаи и освобождения членов оппозиционных партий. Так, в январе 1922 г., на заседании ВЦИК было принято решение по делу 10 рабочих Симбирского патронного завода. Оно гласило: «Принадлежность к с.р. и меньшевикам не подтвердилась следствием, агентурный же материал не внушает доверия (возможны личные счета). Дали клятву, что никогда против Соввласти выступать не будут и все силы отдадут на поднятие производительности труда на заводе. На основании этого было написано заключение об их освобождении и высылке по месту жи-

тельства» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 116. Л. 14, 44). Но такие случаи были не правилом, а скорее исключением.

Чаще всего в таких «освобождениях» заключался особый смысл. «В интересах дальнейшей разработки дела арестованных Тверских меньшевиков и окончательного выявления лиц, причастных к РСДРП находящихся на свободе не установленных ни следствием, а также и агентурой, полагаю всех проходящих граждан по настоящему делу № 18180 освободить под подписку о явке в Тверской ГПУ через каждые 2 недели для регистрации» читаем мы в одном из заключений по делу меньшевиков (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 893. Л. 315).

Особую «заботу» руководство большевиков уделяло организации мест лишения свободы. Для «классово-чуждых» элементов создавались специальные места лишения свободы, которые находились в ведении ОГПУ. Так 20 апреля 1921 г. Политбюро постановило создать концлагерь в районе Ухты на 10–20 тыс. человек. Затем решением Политбюро он был переведен в Холмогоры. К концу 1923 г. Холмогоро-Пертоминские лагеря ОГПУ были передислоцированы на Соловецкие острова [6: с. 88]. Специальным постановлением Политбюро ЦК РКП (б) в декабре 1921 г. было принято решение об организации лагеря ВЧК на острове Челекене (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 244. Л. 3). В ведении ОГПУ находились Суздальский концентрационный лагерь, Бутырская тюрьма, так называемая внутренняя тюрьма, а также политизоляторы: Ярославский, Суздальский, Верхне-Уральский, Челябинский, Тобольский, которые подчинялись с 1925 г. тюремному отделу ОГПУ.

Кроме арестов и длительных сроков заключения спецслужба использовала и другие карательные меры. Говоря о борьбе ГПУ–ОГПУ с оппозиционными партиями, необходимо отметить, что спецслужба дифференцированно подходила в своей деятельности по отношению к партиям. Ведя постоянный контроль за этими партиями, чекисты довольно быстро реагировали на происходившие в них изменения. Обнаруженные в архиве циркуляры — инструкции по отношению к партиям доказывают этот вывод (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 331. Л. 21, 300; Ф. 66. Оп. 1. № 128а. Л. 1–3. № 128б. Л. 1). Эти инструкции утверждались в ЦК РКП (б) и становились руководством к действию. Например, 4 июня 1921 г., в день представления В.И. Ленину «плана» ВЧК, Политбюро дало директиву усилить борьбу против меньшевиков ввиду «активизации их контрреволюционной деятельности» [1: с. 445]. А 28 декабря 1921 г. по докладу Ф.Э. Дзержинского о меньшевиках и эсерах ЦК РКП (б) постановил предпринять вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров» [1: с. 516]. Такой процесс стал готовиться только в отношении правых эсеров. Весной 1922 г. органы ГПУ начали расследование деятельности правоэсеровской партии в годы гражданской войны. Началась подготовка к процессу над правыми эсерами.

Заграничная делегация меньшевиков в Берлине (Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, Р.А. Абрамович) выступила с призывом создать единый фронт для защиты российских социалистов. В начале апреля 1922 г. состоялась конференция предста-

вителей трех Интернационалов (Коммунистического, Второго и Венского), на которой обсуждался вопрос о суде над российскими эсерами. Ю.О. Мартов сразу же расценил суд над эсерами как «террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской провокации», «метод расправы большевиков со своими политическими противниками вообще». На этом совещании К.Б. Радек, представлявший Коминтерн, дал обещание пригласить на процесс зарубежных защитников и не применять смертной казни к осужденным. Ю.О. Мартов саркастически писал по этому поводу: «На берлинском совещании трех Интернационалов г. Радек, желая уязвить большее тов. Церетели, патетически заявил, что за ним он отрицает право протестовать против террора, ибо он в 1917 г. требовал смертной казни для шпионов и дезертиров, а вот за Мартовым признает, ибо последний и в то время протестовал против смертной казни. На этом основании все большевистские деятели должны считаться лишенными всякого права апеллировать к гуманности и праву, когда речь идет даже о самых вопиющих, с нашей точки зрения, проявлениях белого террора» [7: с. 137]. Ю.О. Мартов предлагал себя для поездки в Москву в качестве защитника, он же обратился к Николаевскому с просьбой воздействовать на Горького и убедить его выступить в защиту осужденных эсеров. Позже Н.И. Бухарин признавал, что «социалисты сумели тогда поставить на ноги всю Европу и сделали невозможным приведение в исполнение смертного приговора эсерам» [7: с. 139].

В мае 1922 г. ЦК РКП (б) «предложил» партийным организациям «начать самую энергичную письменную и устную агитацию вокруг процесса эсеров среди широких пролетарских элементов», причем указывалось на «необходимость применения к подсудимым наиболее суровой кары» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 293. Л. 101-102). Начались регулярные заседания «тройки» Политбюро «по эсерам», в июне преобразованной в «пятерку» (в нее вошел и представитель ГПУ). Именно здесь, в ГПУ, во всех мельчайших деталях был разработан сценарий будущего судебного процесса, определены сроки и места проведения манифестаций трудящихся, даны конкретные указания относительно характера и направленности всей агитационно-пропагандистской кампании в связи с процессом, даже названы фамилии, так называемых, свидетелей, определены тезисы выступлений участников митингов, свидетелей и обвинителей (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Т. 1. Л. 229-231). В мае 1922 г. губернские отделы ГПУ получили указание из Москвы установить слежку за настроениями на местах, которое по цепочке было передано рядовым агентам спецслужбы (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 349. Л. 100).

С 8 июня по 7 августа 1922 г. дело ЦК и отдельных членов партии правых эсеров рассматривало специальное присутствие Верховного революционного трибунала при ВЦИК. Всего обвинялись 218 человек, перед судом предстали 34. После долгого 50-дневного судебного разбирательства Верховный революционный трибунал огласил приговор. Трибунал приговорил к расстрелу нескольких лидеров партии и ходатайствовал перед ВЦИК о полном освобождении от наказания тех подсудимых, кто «добросовестно заблуждались при

совершении ими тяжких преступлений, полагая, что они борются в интересах революции». На следующий день после вынесения приговора президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство трибунала и приостановил исполнение приговора о высшей мере наказания при условии, что правые эсеры прекратят подпольную и террористическую деятельность. В начале 1924 г. все заключенные по процессу были амнистированы.

В то время, когда обвиняемые были амнистированы, преследованию подверглись некоторые участники этого процесса. Так нами было обнаружено дело некоего Жданова — защитника на процессе правых эсеров. Арестован он был 17 августа 1922 г., вскоре после процесса, на котором выступал защитником. В деле отмечалось «...что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени, он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей анти-советской деятельности, при чем в моменты внешних затруднений для РСФСР, свою контрреволюционную деятельность усиливал. А посему, на основании п. 2 лит Е Положения о ГПУ от 6 февраля с.г. (выделено мною. — Л.Б.) полагают административно выслать в ссылку в г. Вятку сроком на 3 года» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. № 139. Л. 89, 99). Как видим, для ареста и ссылки человека достаточно было указать пункты из Положения о ГПУ, которые ни при каких обстоятельствах законом не были. Потребовалась девятимесячная переписка по этому делу и вмешательство А.И. Рыкова, С.И. Мицкевича, И.И. Скворцова-Степанова, Е. Преображенского и др., чтобы постановление о высылке было отменено (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 1. № 139. Л. 100).

После завершения процесса над эсерами получило новый импульс преследование людей, не разделявших утверждавшейся официальной идеологии. В первую очередь, это касалось партии меньшевиков. Еще в ходе процесса над эсерами 22 июня 1922 г. на очередном заседании Политбюро был рассмотрен вопрос о меньшевиках, подготовленный И.С. Уншлихтом. В протоколе записано: «а) предложенные т. Уншлихтом операции одобрить; б) поручить т. Уншлихту совместно с т.т. Куйбышевым и Зеленским еще раз проверить список арестуемых меньшевиков; в) предложить Уншлихту представить в Политбюро список ранее наиболее активных меньшевиков, действующих в рабочих районах, как Сормово, Брянск и т.п.» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 299. Л. 4). В передовице «Правды» 2 июля 1922 г. говорилось: «Процесс эсеров выявил политику меньшевиков. Не требуя от эсеров отказа от вооруженной борьбы с Советской властью, они требуют отказа от репрессий против эсеров. Пусть меньшевики сами пеняют на себя, если их будут оценивать не по родословной, а по делам» (Правда. — 1922. — 2 июля).

Началась новая широкомасштабная травля, объектом которой снова стала РСДРП (меньшевики). Характерен документ, обнаруженный в архиве, который определяет причины усиления репрессий против меньшевиков. Вот как в нем трактуется эта причина: «Последнее время МК РСДРП в своей искусной контрреволюционной работе *обнагел до последней степени* (выделено

мною. — Л.Б.), вынуждающей ГПУ принять против пагубной деятельности МК РСДРП репрессивные меры» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 116. Л. 268).

В сентябре 1922 г. Секретный отдел ГПУ потребовал от губернских отделов Управления произвести повальное «изъятие» членов РСДРП, организации, формально все еще «легальной». «Обыски произвести у всех активных, так и неактивных, а также и у сочувствующих, — предписывалось в телеграмме. — ...Арестованным предъявлять обвинение в принадлежности к партии меньшевиков и те контрреволюционные деяния, кои устанавливаются материалами, обнаруженными при обыске» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 611. Л. 124).

Хорошо организованная сеть РСДРП в России вызывала озабоченность РКП (б) и ГПУ. И.С. Уншлихт требовал подтвердить постановление Политбюро о необходимости энергичной чистки всех меньшевистских элементов, в том числе и рабочих. В отношении последних требовалось применять «удвоенную осторожность». Всем губотделам ГПУ была послана телеграмма, в которой говорилось следующее: «...Предлагаем ...немедленно ...произвести обыски и по результатам аресты всех активных меньшевиков... исключением должны быть рабочие физического труда, кои могут быть обысканы исключительно с согласия и ведома губисполкомов...» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 330. Л. 12). В то же время руководство большевиков указывало, что все просьбы об освобождении меньшевиков требовалось направлять на предварительное рассмотрение в совещание НКЮста и ГПУ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 304. Л. 3).

Курс на насильственное пресечение политической деятельности оппозиционных партий нашел отражение в результатах выборов в Советы в конце 1922 г. В связи с предстоящими перевыборами активизировались меньшевистские группы. В течение недели они усиленно распространяли в Петрограде свои воззвания «Под знаменем социал-демократии» и «К перевыборам Советов». Чекисты установили особый контроль за ходом выборов в Советы. Ответственные дежурные по Секретному отделу ГПУ принимали ежедневные сводки с мест о ходе выборов (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 32-33б). Попытки оппозиции пропагандировать свои взгляды натолкнулись на оперативные мероприятия ГПУ. Последними было установлено, что распространяла воззвания небольшая по численности группа. Губком РКП(б) потребовал ликвидации меньшевистской организации. Лиц, распространявших прокламации, надлежало передавать в ГПУ. Утвердившаяся у власти партия, не желая противопоставить политические доводы, всего через пять лет после Октября предпочла им административные меры подавления. Предвыборные усилия меньшевиков и представителей других партий в подобной обстановке не могли принести успеха. В Советы вошли коммунисты и беспартийные.

Административные меры и карательные действия ГПУ–ОГПУ сделали свое «дело». В результате арестов второй половины 1922 г. РСДРП как общероссийская организация фактически перестала существовать. Списки, составленные местными отделами ОГПУ, показывают, что по губерниям меньшевиков в это время считали уже единицами (24 — в Тульской губ., 12 — в Са-

ратовской, 9 — в Иваново-Вознесенской, 11 — в Екатеринбургской и т.д.) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 397. Л. 12-14). В архиве ФСБ РФ имеются более подробные сведения о меньшевиках, взятых на учет губотделами ГПУ. В списках даются не только общие сведения (Ф.И.О., год рождения, социальное положение, возраст, семейное положение и т.д.), но и факты, свидетельствующие о принадлежности к той или иной организации меньшевиков, характеристика участия в деятельности партии, положение в партии и т.д. По крупнейшим городам, губерниям и уездам (всего их в списке 15) насчитывается 204 чел. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 397. Л. 12-14).

В связи с преследованием ГПУ–ОГПУ руководство РСДРП осознало, что сотрудничество с РКП(б) в таких условиях невозможно, так же как невозможно легальное существование партии в условиях большевистской диктатуры. К концу 1922 г. из 23 членов и кандидатов в члены меньшевистского ЦК, избранных в мае 1918 г., из партии вышли 10 человек (К.А. Гвоздев, Б. Горев (Б.И. Гольдман), О.А. Ерманский (Коган), И.М. Майский (Ляховецкий), А.С. Мартынов (Пикер), А.А. Плесков, П.Р. Трифонов, А.А. Трояновский, В.Г. Чиркин, В.И. Яхонтов). Партию покинули такие ее активные члены, как Н.А. Рожков, М.И. Скобелев, Н.П. Суханов, и др. [5: с. 200–207].

Несмотря на все принятые меры, к 1923 году немногочисленные, нелегально существовавшие ячейки были все-таки достаточно активны, правда, в основном на поприще издательской деятельности. В январе 1923 г. только в Москве ими было выпущено 7 листовок. В марте 1923 г. была проведена большая работа по подготовке к празднованию 25-летия РСДРП. Однако эта деятельность была сорвана проведенной ГПУ 15 марта очередной массовой операцией по ликвидации меньшевистских организаций, успевших к тому времени подготовить листовку «25 лет» от Бюро ЦК и два номера журнала «Социал-демократ». Листовка клеймила РКП (б) и содержала лозунг «Да здравствует демократическая республика».

Борьба с меньшевиками продолжалась. Особое значение придавалось «Советскому плану по мерам борьбы с меньшевиками», проводившемуся по распоряжению председателя ГПУ Ф.Э. Дзержинского 22–23 марта 1923 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 345. Л. 5-7). Меры борьбы предполагалось осуществлять по двум направлениям. По партийной линии надо было организовать кампанию против меньшевиков в печати, особенно на Дальнем Востоке, в Петрограде и Москве, так как именно в этих районах отмечалась наиболее активная деятельность меньшевиков на заводах, фабриках и в мастерских. Парторганам рекомендовалось также обратить особое внимание на комсомол и состояние марксистских кружков с тем, чтобы в них не могли «просочиться» в качестве лекторов меньшевики. Значительно больше полномочий в борьбе с меньшевиками получила спецслужба. Они заключались в следующем: имели санкцию ЦК РКП (б) на право производить в государственном масштабе массовые операции по меньшевикам, Бунду и др.; определяли места ссылки меньшевиков; согласовывали с руководством вопросы по изъятию меньшевиков из предприятий и учреждений.

Волна репрессий развивалась по восходящей линии. 4 июня 1923 г. вышел секретный циркуляр ЦК РКП (б) «О мерах борьбы с меньшевиками». В нем сообщалось «о полном разгроме буржуазных партий и партии эсеров». Указывалось также, что «партия меньшевиков является сейчас единственной организацией, пытающейся развернуть работу на всей территории союза республик» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 561. Л. 15 об.).

Документ требовал «вырвать с корнем меньшевистские связи в рабочем классе, окончательно дискредитировать ее перед рабочим классом и уничтожить всякую возможность меньшевистского влияния на него в будущем». В циркуляре ставилась задача полного изгнания меньшевиков из общественных организаций, научных и учебных заведений, различных предприятий и ведомств с категорическим воспрещением последующего восстановления на работе. «...По линии ГПУ, — говорилось в циркуляре, — даны специальные инструкции на предмет борьбы с меньшевиками». Этим же письмом коммунисты «в порядке партийной дисциплины» обязывались немедленно доносить обо всех известных им меньшевиках. Партийным комитетам предлагалось обратить особое внимание «на неукоснительное проведение этих директив и оказать всяческое содействие органам ГПУ в деле такого проведения».

Аресты меньшевиков развернулись с новой силой. «...Террор достиг своего предела. И не о полицейских репрессиях идет речь, а о ставке на уничтожение активных сил социалистических партий и рабочего движения в России... В задушенной стране, закрыв все выходы, все отверстия, в беспроектной тьме убивают социалистов!» — указывалось в прокламации Бюро ЦК РСДРП, распространенной в сентябре 1923 г. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 135).

Первый Всероссийский съезд РСДСРМ, проходивший в Киеве с 4 по 6 сентября 1923 года, был ликвидирован ГПУ, а молодежная организация меньшевиков практически полностью разгромлена. При этом важно отметить, что еще в 1922 г. спецслужба приняла решение о нецелесообразности проведения политического процесса над Союзом молодежи РСДРП (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 157). Как видим, чекисты предпочли репрессии и в отношении молодежи партии меньшевиков. В ноябре 1923 года были проведены массовые аресты меньшевиков, в том числе и аресты лидеров грузинских меньшевиков. Только в ходе ликвидации, так называемого, восстания меньшевиков в августе-сентябре 1924 г. в Грузии было расстреляно 182 человека (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 86. Л. 40).

Но даже в этих условиях листовки продолжали выходить. Меньшевики пытались сопротивляться. В январе 1924 года РСДРП Москвы выпустила листовку «Ночь террора», призывавшую к дальнейшему сплочению и продолжению работы. В феврале 1924 г. РСДРП Петрограда издала листовку «Ко всем рабочим и работницам Петрограда». Основным требованием меньшевиков по-прежнему были «политическая демократия» и «демократическая республика». В мае 1924 года вышла Первомайская листовка, призывавшая выступить «Против террора! За де-

мократическую республику! За политическую амнистию! За свободу рабочих организаций! За свободу слова, собраний и печати! За 8-ми часовой рабочий день!» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 641. Л. 217).

ОГПУ ответило на это новой волной арестов. В результате операции, проведенной Секретным отделом ОГПУ в ночь с 20 на 21 мая 1924 г., была ликвидирована одна из последних меньшевистских организаций — московская (правая) группа социал-демократов.

Одновременно с гласными методами борьбы с антисоветскими партиями уже в годы гражданской войны органы ВЧК начали вести работу по внутреннему разложению оппозиционных партий. Это направление оперативной деятельности ГПУ усилилось через агентуру среди активистов и рядовых членов. Была проведена серия подставных съездов и конференций, проведенных в 1923–1924 гг. бывшими членами оппозиционных партий. Властями было инспирировано ликвидационное движение среди меньшевиков, распускавших на местах свои организации и заявлявших о выходе из партии. Практиковались и индивидуальные заявления, создание инициативных групп по проведению губернских конференций для объявления о роспуске организаций, республиканские и областные съезды меньшевиков, опять-таки с целью самороспуска.

Выдвинутая ГПУ и поддержанная Политбюро идея окончательного уничтожения антисоветских партий с помощью подставных съездов «бывших», не принесла желаемых результатов. Прошедшая в 1923–1924 гг. кампания в той или иной мере охватила лишь тех членов соцпартий, которые уже давно отошли от партийной работы и только ждали подходящего случая, чтобы заявить об этом открыто.

Наряду с арестами и содержанием в тюрьмах и лагерях, широкое распространение в карательной политике органов ВЧК-ОГПУ получила высылка за границу или в отдаленные районы страны в административном порядке как метод борьбы с оппозиционными партиями. 8 июня 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП (б) было принято следующее: «...Предложить ВЦИК издать постановление о создании Особого совещания из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР... Для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок образовать комиссию в составе т.т. И.С. Уншлихта, Д.И. Курского и Л.Б. Каменева» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 166. Л. 6).

Высылка предполагалась следующих видов: 1) высылка из данной местности с воспрещением проживания в ней и в других определенных пунктах, 2) высылка из данной местности в определенный район, 3) высылка за границу (ЦА ФСБ РФ. Ф. 6. Оп. 1. № 112. Л. 233).

Декретом ВЦИК «Об административной высылке лиц, признанных социально опасными» от 10 августа 1922 г. ГПУ было предоставлено право административной высылки лиц, причастных к контрреволюционным пре-

ступлениям, на срок не свыше трех лет. Рассмотрение дел было возложено на Особую комиссию при НКВД под председательством наркома [4: № 51, ст. 46], которая работала с 7 октября 1922 г. по 4 апреля 1924 г. В постановлении о высылке каждого отдельного лица указывался район высылки и ее время. На период административной высылки лица лишались избирательного права. Комиссии было дано право без суда высылать и помещать в лагеря неудобных большевикам людей, деятелей оппозиционных партий, а также лиц, дважды судимых за преступления, предусмотренные рядом статей Уголовного кодекса (ЦА ФСБ РФ. Ф. 6. Оп. 1. № 112. Л. 243). Десятки тысяч людей находились в местах высылки.

Фактически высылке подлежали представители всех слоев общества, если, с точки зрения спецслужбы, они проявляли хоть какую-то нелояльность политическому режиму. Проанализировав протоколы заседаний 1922–1924 гг. комиссии НКВД по административной высылке, пришли к выводу, что далеко не все высланные за контрреволюционную деятельность, действительно в ней участвовали. Заключение по делам наполнены такими фразами «является весьма подозрительной личностью в связи с приездом в Россию, где у него нет ни одного родственника и определенных занятий, полагаю... Заключить в лагерь сроком на 3 года» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 516 Л. 59-60), или, например: «выслать из пределов Псковской губ. в город Мезень Архангельской губ. на 3 года, так как нахождение на территории Псковской губернии, наводненной савинковцами нежелательно» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 516. Л. 26-30), а также выслать «за службу в белой армии», «за сокрытие этого факта», за «нелегальный переход границы», выслать как «крайне подозрительное лицо» и т.п. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 890. Л. 201, 264 об.).

Практика административных высылков стала носить распространенный характер. «По всей РСФСР административно высланных можно в среднем считать 500 человек... Цифра «500» будет с небольшими колебаниями постоянной: снимая с содержания (материального — Л.Б.) одних, будут высылаться следующие» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. Том 1. Л. 175).

Решением ГПУ местами ссылки были определены: Архангельская, Северо-Двинская, Вологодская, Вятская, Иркутская губернии, Уральская область, Воткинская автономная область, Киргизская, Туркменская автономные ССР, Туруханский край, Нарым (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. № 885. Л. 1-4).

Кроме того были определены районы, где было запрещено проживать лицам, признанными социально опасными. Это «...губернии в целом: Московская, Ленинградская, Харьковская, Киевская, Одесская, Витебская, Псковская, Волынская, Подольская, Донская область и Белорусская ССР; города: Иваново-Вознесенск, Ярославль, Тверь, Тула, Брянск, Нижний Новгород, Архангельск, Севастополь» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 100. Л. 6).

Высылаемым разрешалось ликвидировать (так записано в инструкции) семейные дела в течение трех дней, после чего явиться во 2-е отд. Секретного отдела ВЧК (СОВЧК) за документами о следовании к месту ссылки.

По прибытии к месту ссылки им надлежало зарегистрироваться в местных органах ЧК.

Иногородним разрешалось выехать к месту жительства, зарегистрироваться в местных органах ЧК и по истечении трех дней явиться во 2-е отд. СОВЧК за документами о дальнейшем следовании к месту ссылки. По прибытии они также были обязаны зарегистрироваться.

По желанию депортируемых их высылка могла быть заменена выездом за границу, как им самим, так и членам их семей. В этом случае расходы по выезду оплачивало государство (ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп. 1. № 885. Л. 6-10).

Для решения материальных проблем по обеспечению административно-ссылных была создана специальная комиссия. В состав ее вошли представители ВЦИК, ВЧК и НКЮ (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 160-р. Л. 47, 51). Всем высылаемым выплачивалось ежемесячное пособие в сумме 650 тыс. руб., что в условиях инфляции обеспечивало скромный прожиточный уровень. Пособие это увеличивалось в связи с инфляцией. Так, через 4 месяца оно составляло 2 млн. рублей (ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. № 7. том 1. Л. 174 об). Пособие, как сказано в инструкции, выплачивалось до момента «подыскания работы». Со всех высылаемых бралась подписка об обязательной явке во 2-е отд. СОВЧК. Невыполнение условий подписки рассматривалось как побег со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Высылки порождали атмосферу недоверия интеллигенции к власти, наносили большой ущерб науке и экономике страны, порождали негативное отношение к советской власти. Поэтому Ф.Э. Дзержинский пришел к выводу, что практика широких высылки, особенно по подозрению, опасна, и решил повести «борьбу с этой практикой». Он писал: «Лучше в сто раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку — оттуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас» (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 4. Д. 106. Л. 1). Таким образом, по мнению Ф.Э. Дзержинского, массовые высылки нецелесообразны не потому, что отрывают от семьи, от любимой работы, родных мест тысячи людей, не совершивших конкретного преступления против власти, а лишь потому, что они способствуют формированию оппозиции, укреплению других политических партий, воспитывают их кадры.

Работа органов ГПУ—ОГПУ по ликвидации партий социалистов, в целом, не давала «сбоев» и проходила успешно. Используя весь арсенал средств, имеющихся у них в распоряжении, чекисты уже в середине 1920-х годов, в основном, выполнили поставленную перед ними руководством РКП (б) задачу. Последние организации оппозиционных партий были разгромлены в 1924–1925 гг. В докладных записках о результатах работы по ликвидации меньшевиков, эсеров, анархистов и др. читаем следующее: «Никакой работы в массах не ведут... Существуют по инерции и постепенно разлагаются... (о правых эсерах — Л.Б.). Левозэсеровские организации разваливаются, как, например, Киевская и Дальневосточная. В Чите осталось в организации всего

3–4 человека — Тверская дышит на ладан. От Ленинградской остались жалкие остатки. Только в ходе одной операции в ночь на 11 марта 1924 г. были арестованы Московская и Нижегородская организации РСДРП, Одесская группа социал-демократической молодежи и Одесская организация левых эсеров. Число социалистов, арестованных в эту ночь, превысило 150 чел.» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. № 601. Л. 1-25).

Арест в 1925 г. Центрального Бюро ПСР прекратил существование этой крупнейшей из российских социалистических партий, еще 8 лет назад насчитывавшей около миллиона в своих рядах, а на выборах в Учредительное собрание собравшей порядка 20 млн. голосов.

В том же 1925 г. исчезла и РСДРП, хотя Бюро ЦК партии номинально продолжало существовать, и меньшевики время от времени напоминали властям о себе вплоть до конца нэпа.

Подводя итог, можно сделать определенные выводы. В годы нэпа руководство ГПУ–ОГПУ совершенствовало методы борьбы с политическими противниками. Была выработана и осуществлена широкая программа практической деятельности партийных органов и ГПУ–ОГПУ по борьбе с противниками советской власти, которая дифференцированно применялась в отношении граждан различных социальных слоев и групп населения, тем самым сохранялся классовый подход в карательной политике. Самыми жесткими методами борьбы были меры, направленные против оппозиционных партий. Такие меры не были оправданными и не соответствовали конкретной исторической обстановке. Используя органы ВЧК–ОГПУ как инструмент своей политики, руководство РКП (б) сумело к концу 1920-х гг. ликвидировать открытую политическую оппозицию и монополизировать сферу легальной политики.

Литература

1. В.И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917–1922 гг.). – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1987. – XII, 641 с.
2. Ленин В. И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) / В.И. Ленин // Полное собр. соч. Т. 43. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – С. 205–245.
3. Сборник циркуляров и распоряжений ВЧК-ОГПУ. 1919–1924 гг. Т. 3. Ч. 1–2.
4. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – М.: НКЮ, 1922. – № 51.
5. Спирин Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.) / Л.М. Спирин. – М.: Политиздат, 1968. – 259 с.
6. Стручков Н. Н. Зона, приоткрытая для критики / Н.Н. Стручков // Коммунист. – 1989. – № 18. – С. 90–98.
7. Урилов И. Х. Судьбы российской социал-демократии / И.Х. Урилов // Вопросы истории. – 2006. – № 3. – С. 122–149.

Literatura

1. V.I. Lenin i VChK: Sbornik dokumentov (1917–1922 gg.). – 2-e izd. – M.: Politizdat, 1987. – XII, 641 s.
2. *Lenin V. I. O prodovol'stvennom naloge (Znachenie novoy politiki i ee usloviya) / V.I. Lenin // Polnoe sobr. soch. T. 43. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974. – S. 205–245.*
3. Sbornik tsirkulyarov i rasporyazheniy VChK-OGPU. 1919–1924 gg. T. 3. Ch. 1–2.
4. *Sobranie zakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo Pravitel'stva Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki. – M.: NKYu, 1922. – № 51.*
5. *Spirin L. M. Klassy i partii v Grazhdanskoj vojne v Rossii (1917–1920 gg.) / L.M. Spirin. – M.: Politizdat, 1968. – 259 s.*
6. *Struchkov N. N. Zona, priotkrytaya dlya kritiki / N.N. Struchkov // Kommunist. – 1989. – № 18. – S. 90–98.*
7. *Urilov I. H. Sud'by rossiyskoy sotsial-demokratii / I.H. Urilov // Voprosy istorii. – 2006. – № 3. – S. 122–149.*